

НАША ИСТОРИЯ

УДК 02(470)(092)

Ю. Н. Столяров

Научный центр исследований книжной культуры РАН

Типичный рубакинец М. А. Макаровский

Автор раскрывает практически неисследованный в специальной литературе вопрос о приверженцах жизненной и социальной философии Н. А. Рубакина, т.е. о лицах, воспитывавшихся на его идеях, претворявших их на практике. В качестве типичного примера рассмотрена деятельность азовского библиотекаря М. А. Макаровского (1893–1918), выпускника Библиотечных курсов при Московском народном университете им. Л. А. Шанявского.

В статье представлены фрагменты переписки Н. А. Рубакина и М. А. Макаровского, рассказано о его жизни и просветительской деятельности.

Ключевые слова: Н. А. Рубакин, М. А. Макаровский, Библиотечные курсы, библиопсихология, Азовская городская библиотека.

UDC 02(470)(092)

Yuri Stolyarov

Research Center of Book Culture Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

One of N. Rubakin's tribe – Mikhail Makarovsky

The author investigates into an unexplored area of the stories of followers of N. Rubakin, his life principles and social philosophy, i.e. those people who were educated by Rubakin's ideas and practiced them. He introduces an example of Mikhail A. Makarovsky (1893–1918), graduate from the Library Courses at L. A. Shanyavsky Public University, and reviews his activities. Fragments of Nicholas Rubakin – Mikhail Makarovsky correspondence are cited.

Keywords: Nicholas Rubakin, Mikhail Makarovsky, Library Courses, bibliopsychology, Azov city library.

Many of those who became interested in the views of Rubakin, entered into correspondence with him, shared the most intimate thoughts. One of the many rebellious young people was Mikhail Makarovsky (1893-1918). He initiated cor-

respondence with N. Rubakin while still a schoolboy and continued it until 1916. Makarovsky wrote in his diary: "The value of human life is measured by the benefits that it can bring. The goal of our struggle, our excitement and work is to bring happiness to all who are deprived of it". Using biblio-psychological methodology, Makarovsky compiled about 50 self-education programs for various categories of readers and achieved striking results, directing them to read. After studying the reading range of M. Makarovsky, N. Rubakin composed his bibliographical profile. In 1914 Makarovsky left the Azov city library. He took the February revolution with delight. He joined the Russian social-democratic labor party, not the Bolsheviks, but the Mensheviks. He initiated the creation of the Azov Soviet of Workers 'and Soldiers' Deputies and was elected its first chairman. Makarovsky supported the policy of the Provisional Government. He was a member of the committee of the Azov organization of the RSDLP (m), and a member of the City Council. The main place of his work was the city library. He organized the teacher's courses of the evening school for adults, and was the editor of the newspapers "To business" and "Izvestia of the Azov Soviet of Workers 'and Soldiers' Deputies". In 1917, Makarovsky transferred 500 rubles for the construction of the People's House, which, without having his own resources, he has borrowed. The city library, which introduced free of charge services, was transferred to the public education "People's enlightenment" house. A bookshop, an evening school for adults, and teacher's courses were opened at the Society. In July 1918, the Reds left Azov city, and in September a punitive detachment of the White Guard officer Khazbulat Ikaev entered the city. Cossacks began to look for those hiding from mobilization in the White Army, as well as unreliable. Those who did not forget Makarovsky's anti-religious lectures and his work in the City Duma at a time when there was nothing to live on, pointed to Makarovsky. On September 27 he was hanged in front of the Duma building.

Жизненное кредо Н. А. Рубакина

Как известно, в свои студенческие годы Н. А. Рубакин был социалистом-революционером (эсером), учился (на разных курсах) одновременно с известным эсером Александром Ульяновым, встречал его в стенах университета. Содрогнувшись от кровавой террористической акции этого революционера, Рубакин решительно и навсегда отказался от революционной деятельности, но на всю жизнь остался убеждённым и последовательным социалистом. Он был в числе тех, кто стремился переустроить мир по принципу социальной справедливости, отдавая приоритет истине, честности, совестливости, возможности свободно высказывать мнения и т.п. Он решительно восставал против большевистского принципа «Кто не с нами, тот против нас».

Одновременно возражал последователям и толстовской идеи нравственного самоусовершенствования как способа избавления от зла.

Сторонникам и той, и другой доктрины Рубакин противопоставлял иную философскую и жизненную установку: злу противиться надо, но только не насилем, а переубеждением; по отношению к тем, кто против нас, нужно руководствоваться принципом «Кто не против нас, тот с нами», а если он пока ещё не с нами, надо приложить максимум усилий, чтобы «был с нами». Такого человека надо приобщить, прежде всего путём самообразования, посредством чтения подходящей для него отборной литературы, к идеалам истины и справедливости.

Для того чтобы, с одной стороны, отобрать такую литературу, Рубакин подготовил три издания указателя «Среди книг», а для того, чтобы определить, какая из книг кому наилучшим образом подходит, разработал теорию и методику библиопсихологии. Насколько можно согласиться с этим жизненным кредо – предмет самостоятельного анализа, мы ведём речь о другом: были ли у Н. А. Рубакина сторонники, так же относившиеся к окружающей действительности.

Жизненная и общественная позиция Н. А. Рубакина была хорошо известна в русском обществе, поскольку он широко пропагандировал её в своих многочисленных публикациях начиная с дореволюционных и привлёк сторонников. Их было существенно меньше, чем тех, кого привлекал лозунг «Кто не с нами, тот против нас», чем последователей толстовской идеи непротивления злу насилем. Но всё же у Рубакина были по меньшей мере тысячи учеников и единомышленников.

Многие из тех, кто заинтересовался взглядами Рубакина, вступали с ним в переписку, советовались, делились самыми сокровенными мыслями, рассказывали о том, что предприняли для собственного нравственного воспитания и переустройства общественной жизни. О некоторых из них – петербургском слесаре П. Малышеве, нижегородском рабочем Иване Забелине, матросе Новикове, ставшем известным писателем А. С. Новиковым-Прибоем (1877–1944), писателе А. И. Завалишине (1891–1939), пермском этнографе Я. Г. Безрукове – впервые поведала (в силу необходимости чрезвычайно скупой) К. Г. Мавричева [1. С. 56–61].

Жизненное кредо Макаровского

Одним из многих мятущихся молодых людей был Михаил Аронович Макаровский (1893–1918). Он инициировал переписку с Н. А. Рубакиным ещё будучи гимназистом и продолжал её вплоть до 1916 г. Как и другие последователи учения Н. А. Рубакина, он называл себя *рубакинцем*. Отдельные биографические сведения о Макаровском взяты из статьи Г. Борановой [2], но основной фактический материал получен из переписки

М. А. Макаровского и Н. А. Рубакина, хранящейся в фонде № 358 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. (При ссылках ради экономии места указаны только номер дела и единица хранения.)

Будучи семнадцатилетним юношей-гимназистом М. А. Макаровский записал в дневнике: *«Ценность человеческой жизни измеряется пользой, которую она может принести. Цель нашей борьбы, наших волнений и труда – доставить счастье всем, кто его лишён. Мы должны сделать всё, что мы можем, честно и достойно исполнить свой долг, не думая о награде и благодарности, лишь бы мы только сознавали, что не попусту коптим свет»*. Эти слова стали кредо его жизни.

Начало переписки с Рубакиным

М. А. Макаровский родился в 1893 г. в селе Александровка Азовского района в семье торговца. В феврале 1911 г. он написал письмо Н. А. Рубакину, начав его такими словами: *«Если не ошибаюсь, имею дело лично с г-ном Н. Рубакиным. Но прежде всего имею честь представиться: М. Макаровский, ученик 8-го класса Азовский мужской гимназии»*.

Адресант с юношеским максимализмом сообщал, что уже три-четыре года занимается самообразованием, но это дело продвигается туго, так как его окружают *«люди тупые, холодные и глупые, вроде нашей братии гимназиста, которые только по-извозчичьи ругаются, развратничают и пьянствуют»*. Он спрашивает Рубакина, с чего ему начать самообразовываться – с беллетристики или с наук.

Ответ на этот вопрос важен потому, что гимназист знает за собой *«...странность. Если я принимаюсь за что-либо, мне кажется, что я это делаю раз навсегда и что если я... за эти два-три года ничего не прочитаю, то уж никогда ничего не достигну. Поэтому если я берусь за литературу, то я её читаю до тех пор, пока в голове не станет туман от массы образов, типов, впечатлений...»*. Макаровский хочет знать, как распределить книги по всему универсуму знаний на всю жизнь, *«потому что ведь всю жизнь придётся хотя бы понемножку пополнять свой умственный багаж»* [3. Л. 1].

Макаровскому попала на глаза Программа самообразования некоего Педагогического музея. И Рубакин должен был ответить на вопрос, следует ли ей довериться. Не рано ли ему читать книгу Макса Мейера «Мироздание» (1909), поскольку от этого отговаривает старшая сестра. После ряда подобных вопросов он подходит к главному: *«Как читать? Что нужно для нормального усвоения беллетристики и научных книг, неужели их нужно зудить, как гимназические учебники. Если прочтёшь какую-либо научную книгу, то от этого никакого толку: неделю помнишь, а потом в голове туман, и всё моментально вылетает. Мне так и кажется тогда, что я ровно ни к чему не способен, не могу даже терминов себе запомнить»*.

Кроме того, юный Макаровский сообщает, что несколько раз устраивал кружки по самообразованию, но по недостатку опыта все они «лопались». Теперь он задумал создать новый кружок с иной программой действий, и Рубакин должен выступить в роли эксперта и консультанта.

Заканчивается письмо просьбой, чтобы Н. А. Рубакин стал ему товарищем или другом (Рубакину тогда было почти 40 лет): *«А теперь, дорогой г. Рубакин, изолюю Вам мою скорбь: страшно здесь скучно, у меня нет решительно ни одного хорошего товарища или друга. Не с кем даже поговорить о вечных “мировых” вопросах. А их так много! Остаются они во мне непереваренными, и голова полна “вершков да корешков”»*. Макаровский лелеет мечту по окончании Азовской гимназии с золотой медалью, несмотря на противодействие отца, поехать в Петербург и вступить в кружок для самообразования, о существовании которого ему тоже должен сообщить Н. А. Рубакин [3. Л. 2–4]. Письмо с подписью *«Ваш ученик»* и приложенными марками для ответа Макаровский направляет в Петербург, откуда адресат выбыл за границу уже несколько лет назад. Но благодаря известности Н. А. Рубакина письмо находит его в Швейцарии.

Реакция Н. А. Рубакина

Верный своему жизненному принципу Н. А. Рубакин отнёсся к полученному письму с уважением и обстоятельно ответил юноше на каждый вопрос. В частности, исходя из своей библиопсихологической теории он составил для Макаровского план чтения и дал советы по организации самообразовательного кружка.

В ответном письме Макаровский называет Рубакина пророком, поскольку все советы оказались жизнеспособными. Но Макаровский засыпает его новыми вопросами: *«1) возможно ли составить собственное самостоятельное мировоззрение; 2) как это экономнее сделать; 3) не будет ли оно похоже на деревенское лоскутное одеяло; 4) не будет ли оно самообманом»* и т.д. Кроме того, он хочет знать, какую именно книгу Огюста Конта штудировал Рубакин в студенческие годы [Там же. Л. 7–8 об.]. На все вопросы Н. А. Рубакин ответил самым обстоятельным образом.

Сообщает М. А. Макаровский и о новой «постигшей его раздвоенности»: к его плану добавилась новая приманка: *«...работаю в библиотеке <в г. Азов> и хочу осуществить целый ряд проектов: собрать средства для окончания постройки народного дома (4 стены стоят без крыши); для сего сооружается лотерея. Устроить при нём бесплатную библиотеку. Далее идут: бюро труда при землячестве; общедоступные народные чтения»* и т.д.

В библиотеке Макаровский создал и напечатал каталог, на каждой научной книге поставил, в соответствии с рубакинской теорией, цифры, означающие степень трудности, начал собирать комплект книг для будущей

библиотеки народного дома. Н. А. Рубакин рекомендует ему как профессиональному библиотекарю познакомиться с идейной стороной и психологией каждой книги и каждого читателя. В дальнейшем он составляет и посылает списки рекомендуемой литературы по каждой отрасли знания, в соответствии с которыми Макаровский комплекзует фонд.

Изученную по рекомендации Н. А. Рубакина книгу Л. Б. Хавкиной «Руководство для небольших библиотек» (М., 1911. – 132 с.) М. А. Макаровский оценивает гораздо выше, чем «солидный труд Васильева» (Васильев В. Н. Библиотечное дело. В 4-х ч. – СПб. – М., 1911–1912. [Около 500 с.]), у которого слишком много экскурсов в историю и практику зарубежных библиотек, так что порой «за деревьями не видно леса». Макаровский сообщает Рубакину о прочитанных им многочисленных книгах по библиотечному и книжному делу.

Обращение книг Рубакина в Азове

На вопрос Н. А. Рубакина, как читаются в Азове его книги [4. Л. 4], Макаровский сообщает, что в фонде Азовской библиотеки имеется 38 книг Н. А. Рубакина для начинающего читателя, и ребяташки особенно любят «Гибель корабля Гровенор», «На плавающих льдинах», «Доктор Гассан». О том, как воспринимались его книги, Макаровский пишет: *«Недавно прочёл "Подземный огонь". Книжка написана так интересно. Что даже наша кухарка (она гладила бельё, когда я читал) увлеклась ею и просидела у меня до часу ночи, пока я читать не кончил. Особенно сильное впечатление произвели на неё те страницы, где вы говорите о далёком прошлом Земли и о том, что будет с нею через миллионы лет»*. Едва прочитав эту книгу, Макаровский взялся читать «Люди мысли и труда». Книга Н. А. Рубакина «Среди тайн и чудес» *«попала в Азове в такие дома, где и книг-то никаких до сих пор не бывало и производит всюду фурор!»* [3. Л. 55].

Впоследствии Макаровский заинтересовался обращением книг Рубакина и в других библиотеках.

Читал М. А. Макаровский очень вдумчиво. Например, он указал Н. А. Рубакину на неточность в дате жизни английского историка Г. Бокля [Там же. Л. 34 об.]. В письме от 21 янв. 1914 г. обращает внимание на другую неточность: *«... в книжке "На плавающих льдинах" [Санкт-Петербург, 1911] ...Вы пишете, что ирландец обвинял англичан в краже, между тем как на льдине ирландца уже не было; он остался на пароходе»* [Там же. Л. 12]. В ответном письме Н. А. Рубакин благодарит за это замечание и обещает исправить его в следующем издании книги.

Пользуясь рубакинской библиопсихологической методикой, Макаровский составил около 50 программ самообразования для различных категорий читателей и добился поразительных результатов, руководя их чтением: «*Они читают разнообразную литературу с величайшим удовольствием: курсистка, гимназист, бухгалтер банка, сапожник, солдат, пожилая особа 50-ти лет, библиотекариша, народная учительница*» и т.д. Он перечисляет 37 уже прочитанных ими за два года книг и 50, которые они ещё читают [3. Л. 52 об. – 55]; радуется Н. А. Рубакина библиотечной статистикой, из которой следует, что его «*популярные книги нанесли жестокое поражение 2-же Чарской**. *Скоро Вы её обгоните*».

Радуется он Рубакина и сообщением, что с его (Макаровского) отъездом в Харьков** работа самообразовательного кружка не только не прекратилась, но, напротив, усилилась: численность желающих участвовать в его деятельности почти удвоилась [Там же. Л. 41–43 об.].

О доверительных отношениях между ними свидетельствуют такие штрихи. Макаровский интересуется, кто такой А. Рубакин, стихотворение которого опубликовано в «Ежемесячном журнале», и Н. А. Рубакин сообщает, что это его сын Александр, студент медицинского факультета Парижского университета.

Библиопсихологический портрет М. А. Макаровского

Изучив круг чтения М. А. Макаровского, Н. А. Рубакин составил его библиопсихологический портрет, в котором выделил главные характеристики: «*Конкретный, не очень эмоциональный, сильно волевой, творческий, настойчивый (усидчивый). Психологический тип индуктивный, аналитический*» [4. Л. 15].

Точно установив читательские особенности М. А. Макаровского, Н. А. Рубакин советует ему прочитать определённые книги в определённой последовательности. М. А. Макаровский следует этим советам и постоянно благодарит своего патрона: «*Как будто такие же мысли бродили в моей голове в бытность мою гимназистом*». Это, однако, для Макаровского не повод безоглядно пользоваться рубакинскими рекомендациями; он смело вступает с ним в полемику относительно последовательности чтения старой и новой беллетристики, литературы отечественной и западноевропейской и т.д.

---

* Произведения Л. А. Чарской (1875–1937) пользовались в то время невероятной популярностью.

** По настоянию отца Макаровский поступил на математический факультет Харьковского университета, однако в пригодности для себя инженерной профессии разуверился «окончательно» и посвятил себя общественной деятельности.

Столь же принципиален М. А. Макаровский при обсуждении чисто библиотечных вопросов, связанных, например, с классификацией литературы.

Н. А. Рубакин, следовавший собственной классификационной схеме, позаимствованной им у О. Конта, негативно относился к десятичной классификации М. Дьюи. М. А. Макаровский же обращал внимание на её большую практичность и распространённость, возможность отразить в ней и рубакинские библиопсихологические идеи. Отмечал он и противоречие в рубакинской концепции последовательности самообразования: изучение каждой науки Рубакин предлагал начинать с общих трудов, чтобы сначала получить самое общее представление, но вместе с тем философию – самую общую из наук – поставил в самый конец своей системы [3. Л. 22].

Не во всём Макаровский был согласен и со Л. Н. Толстым, а тем самым и с Рубакиным, разделявшим отдельные толстовские идеи в мировоззренческих вопросах. Так, по прочтении «Солдатской памятки» Л. Н. Толстого Макаровский заметил: *«Всё хорошо, только, по-моему, солдатам нужно не бросать оружия, а стрелять в подлецов-офицеров»*. Рубакин же активно поддерживал пацифистов, в частности духоборов, категорически отказывавшихся брать в руки оружие.

Влияние Н. А. Рубакина на М. А. Макаровского

Роль Н. А. Рубакина в становлении личности М. А. Макаровского была велика. В этом он постоянно признавался в письмах своему идейному руководителю. Особенно характерно 24-страничное (!) письмо 1916 г., в котором есть следующие слова: *«...Вам я обязан всем лучшим, что есть в моей душе, моими теперешними взглядами на жизнь, на самого себя, на своё будущее. Вы осветили мне путь к прекрасной, далёкой цели, зажгли в моём сердце какой-то огонь, огонь беспокойства, святого недовольства собой и окружающей меня действительностью и нестерпимый зуд деятельности, работы»* [Там же. Л. 44].

Исходя из составленного библиопсихологического портрета М. А. Макаровского, Н. А. Рубакин распознал, что профессия инженера (на её приобретении настаивал отец М. А. Макаровского) противоречит складу его характера. Уезжая из Харькова в Петроградский университет для сдачи выпускных экзаменов за курс физико-математического факультета (под влиянием революционных событий царские установления об ограничениях для евреев де-факто уже игнорировались), М. А. Макаровский с досадой пишет своему учителю: *«Вы удивительно проникательны, Николай Александрович! Да, из меня инженера не выйдет, я в политехникум больше не собираюсь идти (как намеревался поступить после получения диплома. – Ю. С.). Я герой совсем другого романа...»* [Там же. Л. 44].

Обмен фотографиями

В письмо к Рубакину Макаровский признаётся: *«Конечно, дорогой, и не подозреваете, какую важную роль Вы играете в жизни какого-то там Макаровского, мирного обитателя города Азова. А серьёзно, Николай Алекс<андрович>! В моей личной жизни вы занимаете одно из самых важных мест. Ни одна печатная страница... в толстых журналах за этот год, не производила на меня такого сильного сногшибательного впечатления, как Ваши».*

Как о самой большой мечте он пишет о желании получить фотографию Н. А. Рубакина, хотя и понимает: если Рубакин будет посылать свои снимки всем своим корреспондентам, ему потребуется заказать их целый вагон. Н. А. Рубакин возражает: *«Вы для меня вовсе не “какой-то М. Макаровский”, а близкий, дорогой друг, с которым я с удовольствием обмениваюсь мнениями. <...> Из большого числа моих корреспондентов есть для меня более близкие и менее близкие, и, конечно, я всем своих карточек не посылаю».* Взамен он захотел получить портрет Макаровского, а получив, отреагировал словами: *«Вы стали мне ещё ближе с тех пор, как я узнал Ваш внешний облик. У вас хорошее, славное лицо»* [4. Л. 14]. Он просит писать ему больше и чаще, ведь интересно, *«что делает и как действует мой юный “рубакинист”»* [Там же]. Это свидетельствует об их дальнейшем творческом и духовном сближении.

Работа Макаровского в библиотеке

М. А. Макаровский и Н. А. Рубакин в высшем смысле слова были полными единомышленниками. В своих письмах Макаровский постоянно восхищался и удивлялся тому, что предвосхитил многие советы своего учителя. Типично такое высказывание: *«Удивительное совпадение, Николай Александрович! Когда я получил Ваше письмо, я в библиотеке производил то самое, что Вы советуете»* [3. Л. 39]. После реорганизации, пишет он в том же письме от 15 февр. 1914 г., в библиотеку *«нахлынуло больше 100 человек. Не хватило книг».* И не без гордости добавляет: *«Один учитель всерьёз или в шутку сказал, что наш читальный зал поставлен лучше, чем во многих губернских библиотеках».* И, вдохновлённый успехом, тут же просит указать такой труд по географии, который годился бы и для него самого, и для учительницы гимназии, желающей расширить свои познания, но такой, чтобы его *«можно было пройти в два месяца при ежедневных занятиях в два часа, желательно с захватом в область геологии, палеологии, этнографии, даже антропологии».* Рубакин охотно выполняет этот заказ, что вызвало у Макаровского новый прилив благодарности и энтузиазма.

Макаровский, не зная, имеет ли Рубакин представление об И. В. Владиславлеве [5], который был его личным другом, и его трудах, высказывает

своё мнение о его указателе «Что читать»: *«Он делает теперь очень нужное, приносящее огромную пользу дело <...> не одна заблудшая библиотечарская душа благословляет его денно и нощно и молит за него Господа Бога»* [3. Л. 40 об.]. На этом письме Н. А. Рубакин сделал помету: «Выписать эти слова и послать Гульбинскому» [5].

Будучи человеком честным, Макаровский бескомпромиссно требует того же от других. В частности, в ростовской газете «Утро Юга» он «прописал», по его выражению, кадровую несправедливость, обличил некомпетентность председателя правления библиотеки – фельдшера городской больницы И. Липовникова. Корреспонденция всколыхнула весь Юг России и привлекла внимание общественности к библиотечным проблемам.

В начале 1914 г., осознав бесполезность борьбы с косным правлением за переустройство библиотеки на демократических началах, М. А. Макаровский покинул библиотеку [6]. Н. А. Рубакин приветствовал его «задор и энергию в борьбе с тёмными силами», но добровольный уход осудил: *«Ведь этим Вы потеряли точку приложения Ваших сил. Бороться нужно было, но отнюдь не обострять <...> помните правило: надо делать, чтобы сделать, а не для того, чтобы делать»* [4. Л. 14].

Поиск единомышленников

По окончании гимназии М. А. Макаровский намеревался поступать в Петербургский университет, рассчитывая на то, что золотая медаль позволит ему преодолеть черту осёдлости. Он с нетерпением ожидал отъезда в Петербург, который представлялся ему «обетованной страной, сплошь состоящей из библиотек и музеев».

К поступлению в университет он готовился по плану, разработанному для него Н. А. Рубакиным (*«Ваша система занятий мне очень понравилась»*). Однако вскоре Макаровский с горечью сообщает: *«В Петербургский университет меня не приняли, не помогла и медаль. Еврей, ничего не поделаешь»*.

Н. А. Рубакин изъявил готовность содействовать его обучению в каком-либо из европейских университетов, но после довольно продолжительного пребывания в Петрограде Макаровский отправляется в Харьковский университет.

Чем он занимался осенью 1914 г., находясь в Петрограде? Узнав, что Императорское Вольное экономическое общество организует библиотеки для раненых воинов, Макаровский, конечно же, принял в этом деле самое активное участие. Общественники собрали 1 300 комплектов и разослали их по лазаретам и госпиталям. Однако в январе 1915 г. он всё-таки уехал в Харьков.

В очередном письме он пишет Н. А. Рубакину: *«Чуть было не познакомился в Харькове с Л. Б. Хавкиной. Времени не было забежать к ней. Ведь*

экая деятельная особа!» Но и Макаровский, очевидно, не менее деятелен, если не нашёл времени посетить самого известного в России после Н. А. Рубакина библиотечного деятеля. Встретился он с ней позднее (и даже нелюбезно отозвался о её лекциях).

В Харькове Макаровский быстро обзавёлся новыми знакомыми. Социал-демократ, потомственный барон Виктор Иванович Рапп, чиновник Харьковской контрольной палаты, совладелец издательства книг для народа («Книгоиздательство В. И. Рапп и В. И. Потапов») и одновременно член правления Харьковской общественной библиотеки, пригласил Макаровского на работу в эту библиотеку. Но в конце учебного года Макаровский всё-таки перевёлся в Петроградский университет и осенью вновь оказался в Петрограде. Он вступил в Общество библиотекосведения и стал усердно посещать его собрания, а когда была организована комиссия для созыва II Всероссийского съезда по библиотечному делу, принял в ней самое активное участие в качестве секретаря подсекции детских библиотек (председательствовал в ней известный деятель внешкольного образования Василий Адамович Зеленко, 1878–1957). Одновременно Макаровский заведовал детской библиотекой при одном из клубов-общезитий, устроенной городским издательством.

На библиотечных курсах Университета Шаняевского

Весной 1916 г. М. А. Макаровский поступил на Библиотечные курсы Университета Л. А. Шаняевского в Москве. *«Как я доволен этим, сколько я там узнал нового – и передать не могу!»* – делится он своими впечатлениями с Н. А. Рубакиным [3. Л. 49 об.]. Конечно, слушатели быстро узнали о переписке Макаровского с Рубакиным и послали Рубакину приветственную телеграмму, а вскоре получили ответ от него. М. А. Макаровский извещает Рубакина: *«...только Бродский признал Ваши популярные научные книги ненаучными»*.

Между тем о лекциях самого А. Л. Бродского и М. А. Макаровский и другие слушатели отзывались не самым лучшим образом: *«Содержание лекций совсем не оправдывало такой затраты времени и зачастую не имело и отдалённого отношения к библиографии как таковой. Например, в курсе А. Л. Бродского "Библиография природоведения" библиография выступила на сцену в виде двух печатных списков книг по естественным наукам. Думается, что вполне успешно можно было бы ограничиться задачей этих списков слушателям. Лектор поставил перед собой цель дать слушателям "философское представление" о природе, но сделать это за шесть часов оказалось ему не под силу (это, вообще говоря, безнадёжное предприятие), и он ограничился перечнем самых разнокалиберных и разнообразных "удивительных" фактов, не скрывая от слушателей своего похвального стремления удивить их»*.

М. А. Макаровский делится с Н. А. Рубакиным отзывом о прослушанных лекциях и сообщает, что свои впечатления изложил в статье для журнала «Библиотекарь», но опасается, что из-за условий военного времени номер выйдет уже тогда, когда материал устареет. Однако в 1915 г. журнал вообще прекратил существование. Тем не менее через много десятилетий благодаря журналу «Научные и технические библиотеки» драгоценное свидетельство М. А. Макаровского свет всё же увидело: один экземпляр рукописи, переданный Л. Б. Хавкиной, от неё попал к Ю. В. Григорьеву, от него – ко мне, а я подготовил краткую статью о Макаровском [7] и передал её в редакцию «НТБ» [8].

Примечательно, что в журнале «Библиотекарь» в 1915 г. была опубликована статья другого слушателя курсов – И. Самохвалова о тех же самых предметах и преподавателях [9]. Как положительные отзывы, так и критические замечания Самохвалова и Макаровского совпали практически полностью, с той лишь разницей, что мнение Макаровского изложено гораздо глубже и полнее.

Как председатель совета старост Макаровский полностью реализовал свой потенциал: *«Мотался как угорелый. То ведёшь их [курсистов] в Третьяковскую галерею, то в обсерваторию, то в Зоологический сад, то улаживаешь какое-нибудь недоразумение, то хлопочешь о практических занятиях или общей фотографии* (к счастью, она тоже дошла до нашего времени, хранится в Отделе рукописей РГБ. Кроме того, в 2015 г. опубликована в журнале «Библиотечное дело» в статье актёра В. И. Куприянова «Семейная фотография. Всё началось с библиотечных курсов» (№ 13. – С. 5–7) с указанием имён и местонахождения преподавателей и М. А. Макаровского – как председатель совета старост он стоит сразу за креслами преподавателей, в центре второго ряда. – Ю. С.), *то принимаешь заказы на книги... С 9 утра до 10 ночи работал без перерыву, часто не имея даже времени на обед*». Как же он относится к этой суматошной жизни? Вполне в своём духе: *«Ах, если б я мог так жить хоть всю жизнь!»* [3. Л. 50 об.].

Представляет интерес и его впечатление о возникшем в это время Русском библиотечном обществе, к которому он, конечно же, мгновенно присоединился. М. А. Макаровский следующим образом отзываясь об этом событии и даёт характеристику главным его персоналиям: общество ставит задачу объединить всю библиотечную Россию, особенно провинциальную – наподобие Американского библиотечного общества. В президиум вошли: *«Хавкина (председатель; энергичная, умная, предприимчивая женщина, настоящая душа Курсов и Общества, но очень честолюбивая и самолюбивая; – прикушу, однако, язык...)*. На первом общем учредительном собрании присутствовала вся библиотечная рать Москвы и почти все курсисты. Представителем Общества библиотековедения был А. Е. Плотников (сек-

ретарь его); был и Дерунов, успевший, разумеется, и здесь наскандалить; вот, прости Господи, enfant terrible! ...Открылось собрание в самой большой аудитории Университета Шаняевского речью секретаря правления Университета переводимца Садырина [10], потом произнесли речи Покровский, Калишевский и Ваш покорный слуга по уполномочию курсистов».

Своим выступлением автор доволен: «Аудитория наградила меня дружными аплодисментами, ...а Покровский и Хавкина называли мою речь "лучшей"». Показателен и такой сообщаемый им штрих: на первом же заседании было решено перенести готовящийся библиотечный съезд из Петрограда в Первопрестольную.

Финал

Поскольку задачу этой статьи – дать представление об одном из многих рубакинцев – можно считать выполненной, на этом её можно бы и завершить. Но ведь читатель вправе поинтересоваться: а что же случилось с этой неординарной, яркой и целостной личностью, ставившей интересы социальных низов выше собственных, после того, как переписка с Рубакиным в 1916 г. прервалась? Для полноты картины вкратце сообщу о дальнейшей судьбе М. А. Макаровского.

В 1917 г. его закрутил вихрь событий. Незадолго до Февральской революции он вернулся в Азов с университетским дипломом. Исключительная социальная активность, борьба за социальную справедливость и истину подвигла его с головой окунуться в общественно-политическую жизнь Азова.

Февральскую революцию он воспринял с восторгом. Вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, но не большевиков, а меньшевиков, которые проводили умеренную социальную политику. В качестве политического деятеля он инициировал создание Азовского Совета рабочих и солдатских депутатов и был избран первым его председателем.

Как и возглавляемый им Совет, М. А. Макаровский поддерживал политику Временного правительства, считая, что только так можно сохранить завоевания революции, те демократические свободы, которые получила Россия после Февральской революции.

Он состоял также членом комитета Азовской организации РСДРП(м), был членом Городской управы и гласным Азовской Думы.

С энтузиазмом Макаровский принялся и за культурническую работу. Он был человеком всесторонне образованным, справедливым и за эти качества весьма уважаемым в Азове. Основным местом его работы стала городская библиотека, где он был секретарём книжной комиссии, т.е. занимался комплектованием фонда. Кроме того, состоял членом Азовского педагогического общества, городского училищного совета, финансовой комиссии Думы; был организатором учительских курсов и учителем вечерней школы

для взрослых, редактором газет «К делу» и «Известия Азовского Совета рабочих и солдатских депутатов», председателем общества «Народное просвещение».

В 1917 г., в условиях революции и продолжающейся войны, в Азове возобновляется строительство Народного дома, начатое и остановленное несколькими годами ранее и завершившееся в конце 1917 г. главным образом благодаря энергии Общества и пожертвованиям азовчан. Сам Макаровский передал на строительство 500 р., которые, не располагая собственными средствами, взял в долг.

В ведение общества «Народное просвещение» была передана городская библиотека, которая ввела бесплатное обслуживание; её фонд стал лучше пополняться. При Обществе были открыты книжный магазин, вечерняя школа для взрослых, учительские курсы.

Октябрьские события вызвали у М. А. Макаровского, принципиального противника насилия, резко отрицательную реакцию. Пришедшие к власти в Азове в начале 1918 г. большевики приглашали Михаила Ароновича занять пост заведующего народным образованием, но он отказался и вообще отошёл от политической деятельности, продолжая, однако, просветительскую работу.

В июле 1918 г. красные покинули Азов, в сентябре в город вступил карательный отряд белогвардейского офицера Казбулата Икаева. Казаки начали искать прятавшихся от мобилизации в Белую армию, а также неблагонадёжных. Те, кто не забыл антирелигиозные лекции Макаровского и его работу в Городской думе в то время, когда было не на что жить, указали на М. А. Макаровского. 27 сентября его повесили напротив здания Думы...

С восстановлением советской власти именем Михаила Макаровского была названа одна из улиц в центральной части города Азова. (Он похоронен на еврейском кладбище, расположенном рядом с этой улицей.) Его имя чтят в Азове по сей день.

Михаил Аронович Макаровский прожил короткую, но яркую и достойную жизнь, продемонстрировав верность идеям своего учителя Н. А. Рубакина, которые он смог реализовать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Мавричева К. Г.** Н. А. Рубакин (1862–1946) / К. Г. Мавричева. – Москва : Книга, 1972. – 176 с. – (Деятели книги).

Mavricheva K. G. N. A. Rubakin (1862–1946) / K. G. Mavricheva. – Moskva : Kniga, 1972. – 176 s. – (Deyateli knigi).

2. **Боранова Г.** Михаил Аронович Макаровский / Г. Боранова // Приазовье. – 1996. – 3 июля.

Boranova G. Mihail Aronovich Makarovskiy / G. Boranova // Priazove. – 1996. – 3 iyulya.

3. **ОР РГБ.** Ф. 358. Картон 251. Ед. хр. 5.

OR RGB. F. 358. Karton 251. Ed. hr. 5.

4. **ОР РГБ.** Ф. 358. Картон 178. Ед. хр. 8.

OR RGB. F. 358. Karton 178. Ed. hr. 8.

5. **Игнатий Владиславович Владиславлев** (настоящая фамилия Гульбинский; 1880–1962) – библиотекарь, библиограф и литературовед. Родился в г. Валуйки Воронежской губернии. Окончил Киевский политехнический институт, затем (в 1900–1902 гг.) посещал курсы филологического и юридического факультетов Киевского университета, после чего занялся библиографической деятельностью. После 1905 г. был организатором и сотрудником справочно-библиографического отдела издательства «Наука», заведующим библиотекой Московского коммерческого института (1913–1930), сотрудником библиографического отдела внешкольного образования Наркомпроса (1918–1923), заведующим библиографическим бюро при Центральном доме просвещения (в 1923 г.). Был автором и редактором более 130 работ по вопросам библиографии и книговедения, пособий по литературе, педагогике и истории. В 1917–1918 гг. издавал журнал «В помощь читателю и библиотекарю».

6. **Макаровский М.** Почему я ушёл из библиотеки / М. Макаровский // Эхо Азова. – 1914. – 27 апреля. – С. 2; Окончание. – 13 мая. – С. 1–2.

Makarovskiy M. Pochemu ya ushel iz biblioteki / M. Makarovskiy // Echo Azova. – 1914. – 27 aprelya. – S. 2; Okonchanie. – 13 maya. – S. 1–2.

7. **Столяров Ю. Н.** Ожившая история библиотечных курсов Народного университета им. А. Л. Шанявского / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 1999. – № 10. – С. 66–68.

Stolyarov Yu. N. Ozhivshaya istoriya bibliotечnykh kursov Narodnogo universiteta im. A. L. Shanyavskogo / Yu. N. Stolyarov // Nauch. i tehn. b-ki. – 1999. – № 10. – S. 66–68.

8. **Макаровский М. А.** Библиотечные курсы при Университете Шанявского в 1916 г. / М. А. Макаровский // Там же. – 1999. – № 10. – С. 68–83.

Makarovskiy M. A. Bibliotечnyye kursy pri Universitete Shanyavskogo v 1916 g. / M. A. Makarovskiy // Tam zhe. – 1999. – № 10. – S. 68–83.

9. **Самохвалов И.** Библиотечные курсы при Университете имени Шанявского / И. Самохвалов // Библиотекарь. – 1915. – № 2. – С. 128–137.

Samohvalov I. Bibliotечnyye kursy pri Universitete imeni Shanyavskogo / I. Samohvalov // Bibliotekar. – 1915. – № 2. – S. 128–137.

10. *Павел Александрович Садырин* (1877–1938) – депутат Государственной думы I созыва от Вятской губернии. Из крестьян. Окончил Московский сельскохозяйственный институт. В 1916 г. избран членом ЦК партии кадетов. Один из учредителей и преподавателей Народного университета им. А. Л. Шанявского. В марте 1917 – марте 1918 г. возглавлял Земгор. В 1917 г. вышел из партии Народной свободы (конституционных демократов). Принимал участие в создании кооперативного Московского народного банка. После 1917 г. был председателем Сельскосоюза, членом правления Госбанка. В 1920-е гг. – член ЦИК СССР. Приговорён к расстрелу в 1938 г. по обвинению в антисоветской агитации и участии в контрреволюционной организации. Расстрелян в тот же день, похоронен на спецобъекте «Коммунарка». Реабилитирован в 1963 г.

Yuri Stolyarov, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Research Center of Book Culture Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of Culture;

yn100@narod.ru

90, Profsoyuznaya st., 117864 Moscow, Russia